

Дмитрий
Завадский

СЫР С ПЛЕСЕНЬЮ

Дмитрий Завадский

Сыр с плесенью

«Издательские решения»

Завадский Д. М.

Сыр с плесенью / Д. М. Завадский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746421-9

Я не хочу, чтобы ты брал в руки эту книгу только ради праздного любопытства. Я хочу, чтобы ты попытался посмотреть на жизнь с той стороны, с которой на неё смотрю я. Ты должен читать и смеяться. Нет, даже хохотать. Ты должен читать и плакать. Нет, даже рыдать. И я более чем уверен, что ты не останешься равнодушным, потому что то, о чём я пишу — это сыр с плесенью. И он имеет свойство быть как дешёвым и испорченным, так и дорогушим французским...

ISBN 978-5-44-746421-9

© Завадский Д. М.
© Издательские решения

Содержание

My Life	6
Дом, милый дом	8
Пустое полное	10
В мире животных	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сыр с плесенью

Дмитрий Михайлович Завадский

Дизайнер обложки Дмитрий Михайлович Завадский

© Дмитрий Михайлович Завадский, 2018

© Дмитрий Михайлович Завадский, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-6421-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

My Life

Маленькая, размером с горошину, комнатуха подсказывала настойчиво и одновременно нудно: Дим, так жить больше нельзя. Просто нельзя.

– С чего бы это вдруг такие мысли? – неожиданно спросила неожиданно появившаяся, но вечно присутствующая боязнь нового, боязнь перемен.

– А с того, уважаемая, что жизнь должна быть сочной и вкусной, как нектарин, а не с прикусом остывшего чизбургера с нагло вложенным в него прошлогодним второсортным кусочком ветчины – ответил бунтарь и с явно демонстрирующимся злорадством что есть силы всадил ей пинка. Наверное, ей было больно, только никто об этом не узнает. Да это и не нужно.

Вторник. Вечер вторника. Отличное время для самоубийства, например. Не так ли?

Тут что-то дёрнуло меня внутри и раздалось громким эхом в подсознании – ну ты и осёл! Вот дать бы тебе сейчас по твоей головешке!

Ладно. Давай начнём заново. Вторник. Вечер вторника. По-прежнему всё по-прежнему – тесная комнатуха, сумасбродные желания, гибкий график поступления остросюжетных линий счастья и, безусловно, капризные несбывающиеся мечты. Блин, что-то тут не идёт. Зато правда. Хотя кому нужна эта правда, в наше-то время? Курс доллара вырос по отношению к рублю – вот это тема интересная, это повод и выпить, и прикусить.

А бунтарь всё больше и больше негодовал. Кризисы, банкротства – испокон веков бунтарь кочует из одной головы в другую, доказывая, что за новомодными терминами скрывается одна и та же суть. А суть ведь проста и ясна – плёткой всех в одну клетку и щёлк-щёлк, чтобы не дёрнулись даже.

И в самом деле, чем больше абзацев заполняло белоснежно-чистый экран, отродясь пребывавший в таком состоянии только в идеализированном мечтании, тем больше мозг просил перестать вести войну между систематизированной боязнью и закомплексованным недовольством, но встрявший в драку получает от обеих сторон, что и случилось в сей раз, как в прошлый, и позапрошлый, и какой только ни есть.

Вторник, двадцать девятое сентября. Этот вечер обещал изменить мою жизнь. Нет, не так. Этот вечер обещал изменить моё отношение к жизни. Всё оставалось по-прежнему, только теперь я смотрел на это другими глазами. Из интерьера, собранного непреднамеренно и окружающего меня большую часть моего времени, вырисовывались смутные очертания людей, имеющих хоть какое-то отношение к каждой его составляющей. Горький привкус таблеток в упаковке, лично мною не опробованных, вызывал непреодолимую тоску. И её. Но о ней ни слова, по крайней мере, не сейчас. Перманентный маркер небрежно валялся на столе, но кроме воспоминаний из далёкого детства и господствующего в нём тирана, ничего не вызывал. Эти мысли быстрее скорости света умчались, к счастью, и, как подобает счастливой истории, тут же вернулись. Чеки, банковские карты, переходы в другие миры, деньги, пустые пакеты, конспект по высшей математике, наклейка, мобильный телефон, символизирующий скорее поле боя, чем средство связи – всё это было моё. И есть моё. И я не знаю, зачем мне всё это нужно. Теперь не знаю. Я даже не знаю теперь, знал ли я ранее зачем мне это было нужно.

Это моя жизнь или, как будет удобнее сказать мейнстримной альтернативой – my life. Я совершенно не представляю, в какой мир я приведу себя и каждого, кто решит иметь дело со мной, но я вас уверяю – вам всегда будет над чем поразмыслить.

Вторник. Если быть дотошным, начало среды. Я никогда ранее не отказывался от планов, но сейчас я не знаю, захочу ли я вышвырнуть своё одеяло с пятого этажа или же я не захочу. Я не знаю, захочу ли я продолжать, но я точно знаю, что теперь ничего не будет как раньше. Я уже около тридцати пяти минут живу иначе, и мне это нравится, хотя это немного много временами пугает.

Итак, отсчёт начат. Глава первая. Жизнь вторая.

Дом, милый дом

В этом местечке мы чувствуем себя спокойно, уютно. Здесь мы находимся в безопасности. Сюда мы всегда можем вернуться, здесь нас всегда ждут. Это дом, милый дом.

Кстати, как часто мы задумываемся о том, какая нам нужна жена, какой нужен муж? Ведь главное в доме – это хранитель семейного очага. Ладушки, а давайте-ка попробуем!

Вариант развития событий номер один: жена. Итак, в основном это малюсенький метеорчик, носящийся утром по жилым площадям, ещё немного сонный, даже посапывающий на ходу. Смешная картинка, если честно. Местный супермаркет не балует, конечно, но на жизнь зарабатывать нужно. И вот она сидит на стуле, под вечно возмущённые возгласы покупателей и недобрые взгляды, думает о хорошей жизни. Нет, конечно же нет. Попытка номер два. Лента движется, пищит индикатор, пробивая цену продуктов. До автоматизма ненавистное и изъезженное годами «дисконтная карта есть?», или «пакетик нужен?», или «не найдётся ещё семь миллионов рублей по пятьсот?», или «всего доброго, приходите ещё, лет так через четыреста». Некоторое конечно же вслух не произносится. Тренируется моральная износоустойчивость, а может быть всё-таки на жизнь зарабатывать надо. Порядком измученная героиня или мама трёх балбесов закупается в самом противном в мире магазине продуктами и отправляется домой. А дома муж. Детишки голодные. «Родной, ты знаешь, я так устала, у меня так сильно болит голова, может в другой раз?» – тихо, робко, неумело... А потом соседи со всех сторон думают о том, как же хорошо живётся молодым. Жизнь кипит, бурлит, ключом бьёт. Жаль, что по голове.

Хороший вариант. Серая мышка, милая зверюшка, везде обо всём думает именно она. А муж что? А ничего. Жена ведь толковая, значит можно и дурака повалить.

Вариант развития событий номер два: муж. Ведь главное в доме – это муж. Он и голова, и глава, и защитничек. Собственных интересов, зачастую. Он встаёт рано, злится, толкается, шумит. С работы вовремя не приходит, задерживается. Естественно, он пожизненно в плену у дивана, на подлокотнике которого стоит пиво. А жена что? А жена серая мышка, милая зверюшка. Или бедная женщина с кругами под глазами. Да и ладно, она ведь у него и так красивая, это ему лучше всех видно: послеалкогольные эффекты не подводят. Или как вариант, жenuшка где-то в баре, где-то на шашлыках. «Алло, дорогой, я сегодня задержусь на работе, дел невпроворот. В холодильнике на нижней полке котлеты, там же и рис найдёшь. Целую. Или не целую. Вообще неважно» – безразлично, вынужденно, обыденно. А дальше получать то, чего не хватает.

Ладно, не интересная тема вовсе. Вот другое дело курс доллара, опять слабоумный вырос. Это дело житейское, важнейшее. А что семейная жизнь-то? Как будто больше поговорить не о чем.

В этом местечке мы чувствуем себя спокойно, уютно. Здесь мы находимся в безопасности. Сюда мы всегда можем вернуться, здесь нас всегда ждут. Этого местечка нет. И не будет. И не было. А память врёт ведь о былых прекрасных временах, когда курс доллара был в пять раз ниже, когда жить было легче. Не так ли?

И я задумался на чуть-чуть: а зачем вообще эта семья? Ну вот живёшь ты в своей, вернее не своей, съёмной квартирке, пьёшь полуостывший чаёк, укутываясь шершавым пледом и горя не знаешь. Вернее ещё как знаешь, только одним хоть меньше – никто не звонит, не пилит, не ноет, не истерит, не плачет. А если и заглянет кто – так свободен в любой момент. Хм, а дело ведь говорю.

Не бывает однако так, как бывает. Не везёт что ли. Вот, Петьку опять уволили с работы. Запил, скотина этакая. Опять весь подъезд тёту Зину слушать будет. Это вам не тяжёлый рок, не звон режущегося металла. Это ненависть, злость, обида, это тётя Зина.

Тем временем, под грохот проезжающего в сотне метров поезда, спешит куда-то юная Мальвина... А в её головке ну ничего ясного нет, совсем ничего. Жизнь дана одна, надо от неё как можно больше взять.

Знаете, а ведь годик-другой, да пусть и полдесятка себе – она станет героиней несбывшихся надежд, обманутых мечтаний, и вот-вот да и начнёт свою горькую полуповесть в полу главе со слов «В этом местечке мы чувствуем себя спокойно, уютно. Здесь мы находимся в безопасности»...

Пустое полное

А как насчёт отвлечься от повседневной суеты?

Вы явно не против, я надеюсь.

Представьте себе следующую картину. Осенний вечер тёмными красками сгущает обзор, настолько сгущает, что вы, бьюсь об заклад, не узнали бы ту самую Танечку из того самого супермаркета, будь она в двух метрах от вас. И это при том, что она ваша жена. Странное чувство, когда от волнующего ожидания перехватывает дух, по коже пробегают мурашки, и олени в голове танцуют ламбаду. Из-за чего? Почему? А просто так. Без повода. Странно, да?

Кожаный салон новенькой или почти новенькой Hyundai невероятно удобный, невероятно. Этим самым осенним вечером стоит неожиданно съездить в приграничный Duty Free. Стоит ведь? Определённо стоит, ведь заняться больше нечем. Я временно не работаю, разрушаю ту самую целостную систему рабства, и знаете, я абсолютно счастлив. Так вот, самое удобное и приводящее в экстаз – это кожаный салон автомобиля. Самое приятное – это вальяжно-непринуждённая езда по бездорожью, неудобства которой никак не ощущаются, потому что дури в этом автомобиле больше, чем у любой гоп-компании в лихие 90-е.

Десять евро за мартини. Примерно столько же на взятку доблестному работнику таможни – экая чепуха на самом деле. Вообще, коррупция – дело серьёзное, и виноватых в том, что повсюду она процветает на самом деле в два раза больше числа тех, кто берёт взятки. Кто-то же им их даёт!!!

Немного резко повернув, проезжаем небольшую, глухую, как говорят, Богом забытую деревушку. В поле зрения попала молодая пара, сидящая на лавке остановки. Ближайший автобус к ним доедет через минут пятнадцать, так как минут пять назад мы его обогнали. Проводя аллегорическую параллель, я бы окрестил быстро движущийся автомобиль неким судьёй, разделяющий перед ним лежащее на две равнозначимые, но разные вещи. По левую сторону дороги расстелилась самая настоящая мгла, серая и невзрачная, как настоящее той молодой пары с остановки. По правую сторону ярко полыхала красным пламенем жизнь: закат приобрёл багрово-фиолетовый оттенок, с расположенными чуть ближе линии горизонта очертаниями мрачных и величественных деревьев. Судья словно разделял тонкой белой нитью содержимое одной консервы...

– Слушай, Дим, а ты за кого голосовать будешь?

– Да кто его знает. Вот баба вроде ничего такая, дельные мысли говорит, но вот доверия всё равно как-то нет. Давно уже нет доверия.

– Да уж, сложно всё у нас...

Я усмехнулся. Какая бы ни была власть, всегда найдётся за что её упрекнуть, следовательно, разговор не имел смысла. Вообще, набожные люди говорят, что любая власть от Бога. Любят у нас Бога вспоминать: когда плохо становится и когда оправдаться нужно. Да уж, разговор точно не имел смысла...

Я живу уже пятый день новой жизнью. Вам обязательно стоит попробовать то, что делаю я – вы не представляете, как интересно смотреть на некоторые привычные вещи по-новому и замечать в них то, чего доселе никогда не замечалось. Я полюбил утро, в одиннадцать часов, честное слово! Я имею возможность следить за тем, как уступает ночь рассвету, обволакивает неведомый источник пыльную землю серым туманом и как мой организм становится одним целым с природой. Это невероятно, это замечательно, обязательно попробуйте.

Таня читала скопище абзацев, впопыхах допивая полуостывший кофе и, едва заметно улыбаясь, называла меня мечтателем. Сегодня наверняка будет тяжёлый день, хотя бы исходя из того, что лёгких дней не бывает. Белая зависть пробирала по дороге из подъезда до самого входа в супермаркет – у неё не было выбора сделать выбор, жить на что-то надо же...

Невероятно, но Таня – это моя вторая половинка. Моё сознание давным-давно раздвоилось, но в последнее время приняло всё более ясные очертания. Может, даже это четвертинка. Странно, но кто-то похлопал меня по плечу и произнёс: «А знаешь, ты мне нравишься, парниша». Действительно странно, ведь рядом никого не было.

И вдруг я вспомнил, как бродил по ночным улицам своего города и каждую строку лелеял, словно прожжённый торговец наивного по натуре покупателя. Сколько раз моя свобода упиралась в потолок незримого, необъятного и необъяснимого купола, вылитого из небытия и рассказней различных проходимцев... Я помню, как тусклый свет фонарей едва показывал мне куда идти, но я всегда знал свою дорогу, каждый раз то и дело сворачивая с неё. Завтра будет определённо трудный день, а почему я ещё не решил. Зато я точно решил, что мой вечер будет независимым, неприступным и откровенно-мягким – я намерен вступить в контакт с моим верным и преданным чтению читателем.

Я отрешённо смотрел на листок бумаги, на котором невзрачно был напечатан номер заведующего кафедрой университета, в котором я временно числился. Я представлял, как он смеётся над несчастными студентами, уже давным-давно не верящими в полезность своего, ещё не полученного диплома, и так же представлял, как я ему отвешиваю крепчайшего, словно желудок алкоголика, пинка. Да ни за что. Да просто так. А вот почему бы и нет?

Но что-то здесь не было ясным, вернее, было невыясненным. Что-то терзало душу и не давало покоя. Наверное, стоит посвятить этому следующую главу...

В мире животных

Обладея всевозможными ресурсами я всё равно умудрялся запороть дело. В этом весь я. Нет, на меня конечно можно положиться в любую минуту, только зачастую лишь в прямом смысле этого слова. Скорее всего, я, как и многие молодые люди, не был полнейшим бездарем и раздолбаем, но во мне всегда было что-то такое, что притягивало людей, которые в конце концов неизменно считали меня странным, ненадёжным и противным. Собственно говоря, я такой и есть.

Бывает такое настроение, что просто некому позвонить. Нет, не ситуация диктовала так, а именно настроение. По большому счёту нам всегда есть кому позвонить, только вот решает всё расположение духа. Именно в этот прекрасный, неуютный и дичайше холодный вечер презренный отрок двинулся в местный гриль-бар. Сам. Один-одинёшенек.

Раньше, выйди ты в зауженных донельзя джинсах на улицу, которые и достать-то было тяжело, проблем получил бы через пару дворов, к гадалке не ходи. А сейчас время другое. Демократия. Свобода. Защищённость, в некотором смысле благодаря общепризнанным правилам. Я переходил через пешеходный переход и думал о том, что я буду делать в этом баре. Если честно говорить, то на последние деньги в кармане давно уже были заведены планы – купить буррито, вкуснейший среди всех заведений нашего города, и причём, только в этом заведении и готовившийся. Если всё же полезть в карман поглубже, то можно с чистой совестью подтвердить ещё одни планы – ни в коем случае не покупать буррито, если работает «не свой» поварёшка. Вот как ни крути, но если человек выполняет свою работу максимально качественно, и самое главное с любовью к своему делу, то никаких нареканий никогда не возникнет. Но вот если человек делает что-то лишь бы поскорее закончить, то лучше с ним никаких дел не иметь. По моей шкале везучести, из девятнадцати хороших яблок и одного гнилого, я бы выбрал гнилое. Да, я тот самый обделённый в этом плане. Но не всегда, что к моему удивлению сейчас подтвердилось – поварёшка был свой. Конечно, высчитать чья очередь была сегодня я не смог, и позвонить поинтересоваться тоже. Я всегда играю с удачей, наверное, ей это не очень нравится. И мне тоже. Где-то ближе к середине времени своего пребывания в этом заведении, я понял, что вынужден признаться себе в том, что я ненавижу людей. Я всегда старался быть максимально добрым, говорящим правду человеком, но скрыть свою сущность означает быть двуличным, чего я точно не желал. А сущность заключалась в том, что я не просто ненавидел людей, это нечто большее, чем ненависть. Наверное, что-то сродни геноциду, только мирному, как бы это странно не звучало. Буквально за полчаса чего я только не выслушал: это были и рассказы здорового, грубого, неотёсанного человека о своём прошлом, которым он, как и все недалёкие чрезмерно гордился, и матерные повествования юной подпорченной дамы о смысле жизни, и многочисленные реплики недовольной возмужавшей пассии недалёкого посетителя. Честное слово, я ненавидел всё это заведение, ненавидел чуть ли не каждое слово, которое проносилось из уст этих людей, но всё, что можно было прочесть по моей бородастой, довольно смакующей вкуснейший буррито рожнице – это безразличие и девственную непричастность ко всему происходящему. Да, я актёр тот ещё. А с другой стороны, я же адекватный и в меру воспитанный, именно так – в меру воспитанный, человек. Ну не буду же я бросаться с тупым, как вершина пирамиды тела одного из завсегдагаев заведения, ножом и кричать «уткнись вовеки окаянное отродье». Хотя, это было бы весьма весело. По крайней мере, я был бы готов оплатить два блинчика с ветчиной, сыром и грибами тому, кто отважился бы на сие злодеяние, хотя я бы и расценил это по-своему благим делом.

Моя жизнь в основном проходит ночью, днём – существование в ожидании тьмы. Так уж сложилось, что подругой дней моих суровых всегда оказывалась ночь. Сейчас как раз она наступала и я спинным мозгом чувствовал, как меня одолевает приближающееся представ-

ление, способное залечить мои душевные раны. Ран может и нет никаких, но я решил это оставить для пикантности, так лучше звучит что ли. Почему-то наиболее комфортно я себя чувствую тогда, когда большинство чувствует себя отвратительно. Наверное, лучшее расположение духа у меня в тот момент, когда я оказываюсь невольным свидетелем чьих-то неудач, ссор и прочих проблем, возникающих в большинстве своём из-за напыщенности, гордости и жажды удовлетворения чувства собственного достоинства (последнего там явно не предвиделось на трезвый взгляд). На этот раз пассия заговорила о неготовности завести детей. Да-да, именно завести. Как собачку что ли, мелкую такую, для улучшения интерьера что ли, на что деревянный бычок, по совместительству её ухажёр ответил «не ну а чо, я-то готов, мне то чо внатуре, я могу и сделать, это ж ты боишься, как до дела доходит». Пассия негодовала. Люто. Однако, виду не подавала. Актриса! Однако, неважная актриса, раз я сумел уличить наигранность, что в принципе она и доказала шипением «ты вообще думаешь что говоришь? ты вообще нормальный?». Диалог сам собой утих. Я одновременно и поражался происходящему и смеялся где-то в глубине души. Да, оказывается, всё просто с появлением на свет львиного большинства идиотов – настругают отпрысков, как столяры рубанком, домик выстроят, и деревце посадят – всё как по инструкции, красиво скользящей по ушам повеселевших изрядно гостей во время попойки. Всё как обычно, всё как у людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.